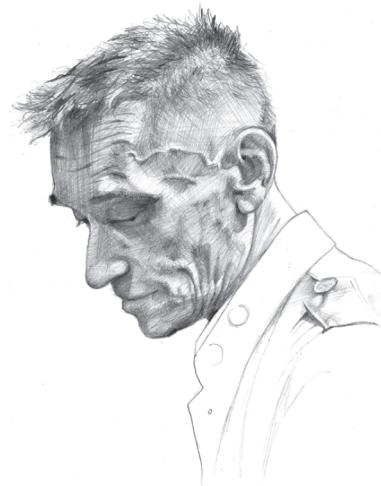

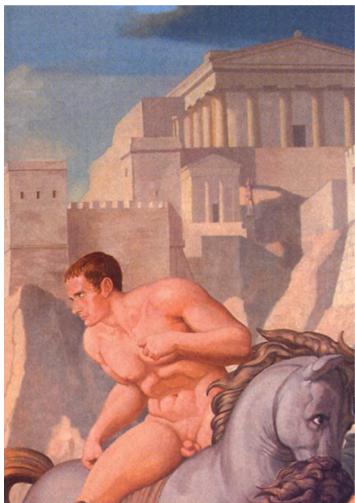
«МОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВА – Я САМ»

Образ Георгия Гурьянова в искусстве 1980-х – 2010-х годов

НАГОЙ ТЕЛОМ И ДУШОЙ

«Как я хожу, во что одеваюсь,
что говорю — это и есть
произведение
современного искусства»
Георгий Гурьянов

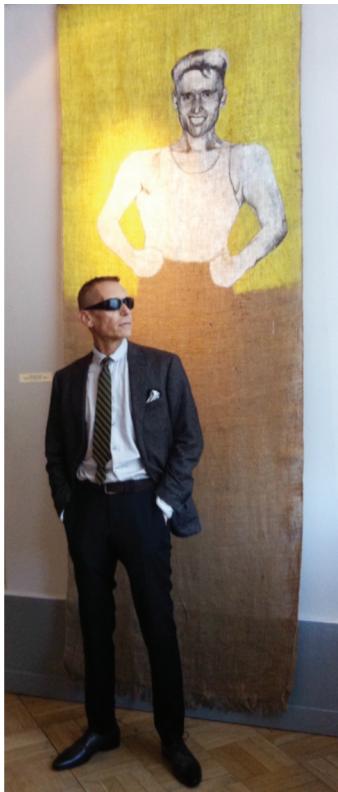
Олег Маслов, Виктор Кузнецов
Триумф Гомера (фрагмент). 1997
Собрание Владимира Антончука

«Он очень красив, возможно, самый красивый из всех, кого я встречал в Советском Союзе» — написал о художнике и музыканте группы «Кино» Георгии Гурьянове (1961-2013) американский писатель Эндрю Соломон. Создание собственного идеального образа занимало Георгия на протяжении всей его жизни. Ища возвышенных отношений, он понимал, что воплотить завет «возлюби ближнего своего, как самого себя» не возможно не освободив собственный дух. От этого проистекала его требовательность к себе, друзьям и искусству. В то время, как советская этика продолжала настаивать на подчинение индивидуального коллективному, в начале 1980-х на улицах Ленинграда появились модники-неоромантики — воспетые Цоем «бездельники», могущие позволить себе роскошь заботы о себе. Прекрасный образ — базовый мотив русского искусства стал актуален в жизнестворчестве этих героев — нарциссов и хулиганов, занимавшихся всеми видами творчества одновременно. Эти люди совершили культурный переворот в СССР и стали центральными фигурами нового художественного пантеона. Образ обнаженного, подобно древнегреческим богам, воинам и атлетам героя Георгий воплощал буквально, стоя в полный рост на сцене жизни, считая, что мужчина лучше всего выглядит обнаженным, и только если ему нечем блеснуть, должен облекаться в элегантный костюм. Туалет Георгия в присутствии поклонников возрождал многочасовые церемониалы версальского двора Короля-Солнца. Для художников «следящих за собой» внешнее, «поверхностное» становится необычайно важным. В условиях крушения идеологии и старых «несущих конструкций» бытия, их искусство сосредоточивается на поверхности, подвергаемой тщательной ретуши, и фактурах, еще не успевших затвердеть в сюжете и тексте.

Художники эпохи, когда казавшийся незыблемым мир рассыпался на множество дробных частей, обзаводятся разнообразными «аватарами», которые лелеялись, как произведения искусства. Среди переливчатых масок Владика Монро, стратегических и камуфляжных ролей Тимура Новикова, «аватары» Гурьянова, моделями для которых в разное время становились Маяковский, Бонд, спортсмены и моряки, отличаются идеальностью непреклонного и одинокого «тела скалы». Искренность и внутренняя честность — необычайное достоинство посреди развернувшегося хаоса — вот путь, указанный людьми поколения Гурьянова. Человек, занимающийся собой, становится необыкновенно притягателен для окружающих. В дружеском кругу, в основе которого располагалась группа «Новые Художники», было создано множество портретов. Георгий был благодарной натурой, и по многочисленным работам его друзей мы можем проследить всю эволюцию его образа от огнеголового нью-вейвера до статуарной «иконы стиля» Неоакадемизма и Новой Серьезности. При жизни взыскательный Гурьянов не выпустил ни одного своего альбома, и этот скромный каталог — первое издание ему посвященное.

Андрей Хлобыстин

ГЕОРГИЙ ГУРЬЯНОВ – ОДИН ИЗ НАИБОЛЕЕ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ИСКУССТВА

Георгий Гурьянов на фоне картины
(Е-Е) Евгения Козлова
«Портрет Георгия Гурьянова»
Вторая половина 1980-х годов
Мешковина, смешанная техника
Фотография Максима Щербины

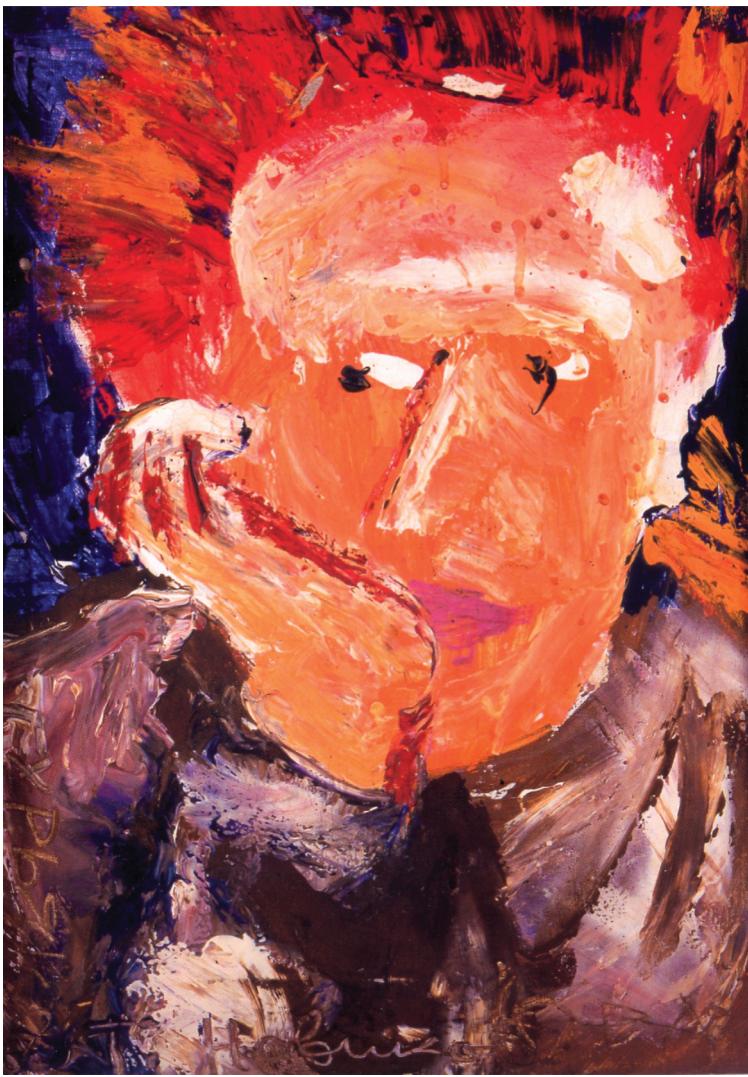
Редчайший случай – он был интересен самой разной аудитории: его помнили фанаты «Кино» и ветераны рейва, его высоко ставил музейный мир, его ценили наиболее продвинутые критики, в своём поколении он был художником, пожалуй, наиболее востребованным арт-рынком. Он притягивал всех, вместе с тем был независим, одинок, не вовлечен в многочисленные комплексы и группировки, неизбежные в современной художественной жизни. Он напоминал мне красавца-гондольера, погруженного в себя, индифферентного к направленным на него влюбленным взглядам, легкими, незаметными для непосвященных движениями весла направляющего свою лодку к одному ему известному причалу.

Он создал узнаваемое, притягательное, вошедшее в многочисленные экспозиции и альбомы искусство, не нашедшее, однако, адекватного описания. Оно несёт в себе некий секрет, сохраняет загадочность... Гурьянов вообще «впускал» в свое искусство неохотно. Думаю, даже коллекционеры, купившие его произведения, не могут быть уверены, что владеют ими в полном смысле: что-то он оставлял для себя, не отпускал вещь окончательно, единолично владел какими-то сущностными нюансами содержания..

В самых общих чертах, кредо Гурьянова – эстетизм, окрашенный какой-то дистанцированной во времени, антиклизированной чувственностью. Эта дистанцированность имела сложную природу. Конечно, Гурьянов принадлежал давней благородной классицизирующей традиции. Однако существовала и ближняя дистанция: Гурьянова волновала конкретика претворения классичного (и телесного) в искусстве ранних 1930-х годов. Причем волновала не неоклассика европейских тридцатых, а советский её извод: Дейнека, Игнатович, фильм А. Рома «Строгий юноша». В этом материале принято видеть ростки тоталитарного и трагедийного. Гурьянову видится другое: неосуществленная возможность совершенной телесности. Он примеряет эту ситуацию на себя: нет ничего важнее этого растигнутого длящегося момента бытия – взмаха весел, ласточки на турнике, взгляда, брошенного в гимнастическом зале. Примеряет в буквальном смысле: многие образы гимнастов и матросов Гурьянова автопортретны.

Художник предельно авторизовал и собственную жизнь: не только слышал, но и был денди, гедонистом, ценил эстетическую сторону жизни. На людях был беспечен и безмятежен, хотя долго и тяжело болел: просто не мог позволить себе изменить раз и навсегда выбранный поведенческий рисунок. Сегодня видишь его искусство в свете судьбы. Конечно, поэтика Гурьянова в какой-то степени идиллична: мужской миф нестареющих атлетов в блаженно неподвижном мире. Но это идиллия с автобиографическим подтекстом, окрашенная интонациями мужественности.

Александр Боровский

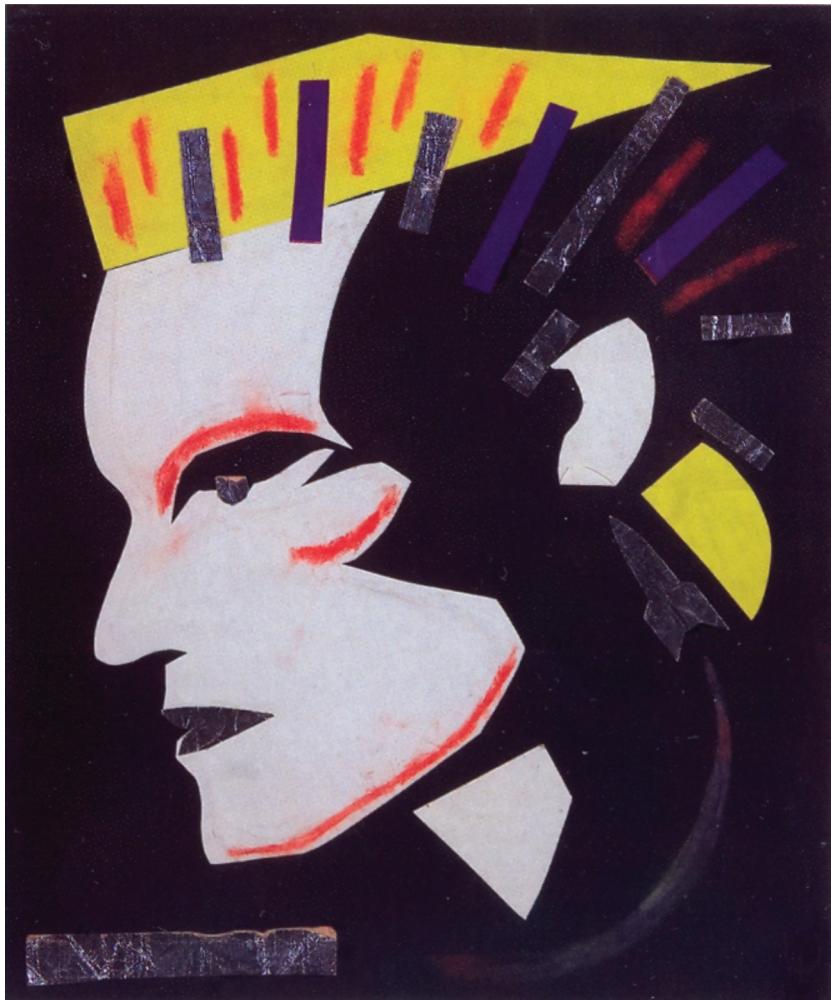
Тимур Новиков. Портрет Георгия. 1982. х., м. 40 x 26
Архив Георгия Гурьянова

Олег Котельников
Портрет Георгия Гурьянова
1985 - 1986
бумага на оргалите, темпера. 175 x 50
Государственный Русский Музей

(E-E) Евгений Козлов
Портрет Георгия Гурьянова
1987. бумага, смешанная техника. 62 x 48
Архив Георгия Гурьянова

Виктор Цой. Портрет Георгия
1985. бумага, коллаж. 37 x 32
Архив Георгия Гурьянова

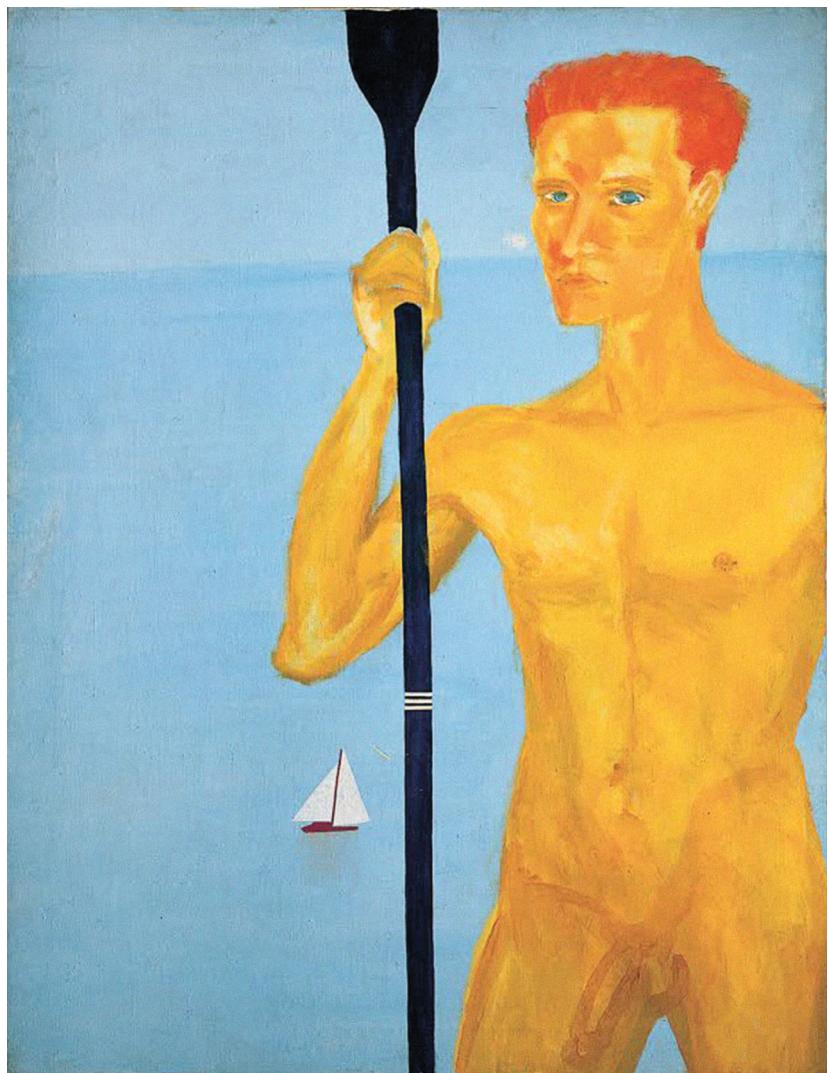
Едыге Ниязов. Группа «Кино»

1985. ч.-б. фотография. 25 x 25

Собрание Ultramarine Art Gallery

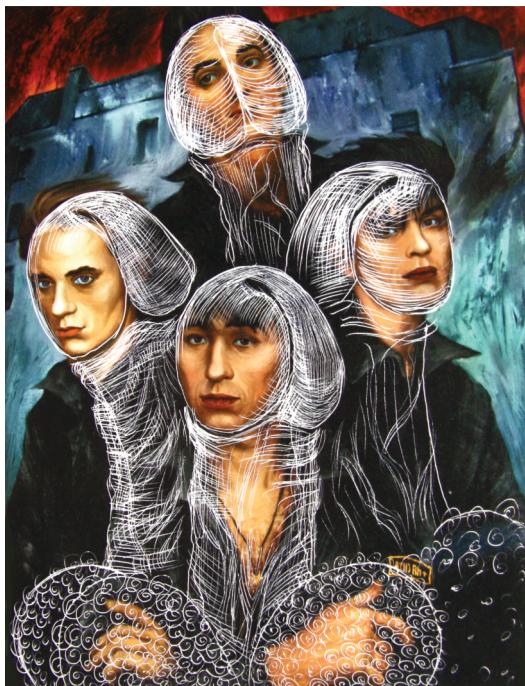
Едыге Ниязов. Георгий Гурьянов
1988. ч.-б. фотография. 25 x 25
Собрание Ultramarine Art Gallery

Тимур Новиков. «Строгий юноша» (Портрет Георгия Гурьянова)
1987. х., акрил. 170x130. Государственный Русский Музей

Сергей Борисов. «На старте»
1988. ч.-б. фотография. лимит. тираж 30 экз.

Владислав Мамышев-Монро. «Группа Кино»
«Расцарапка». 2006. 26 x 21
Собрание Арт Клуба D137

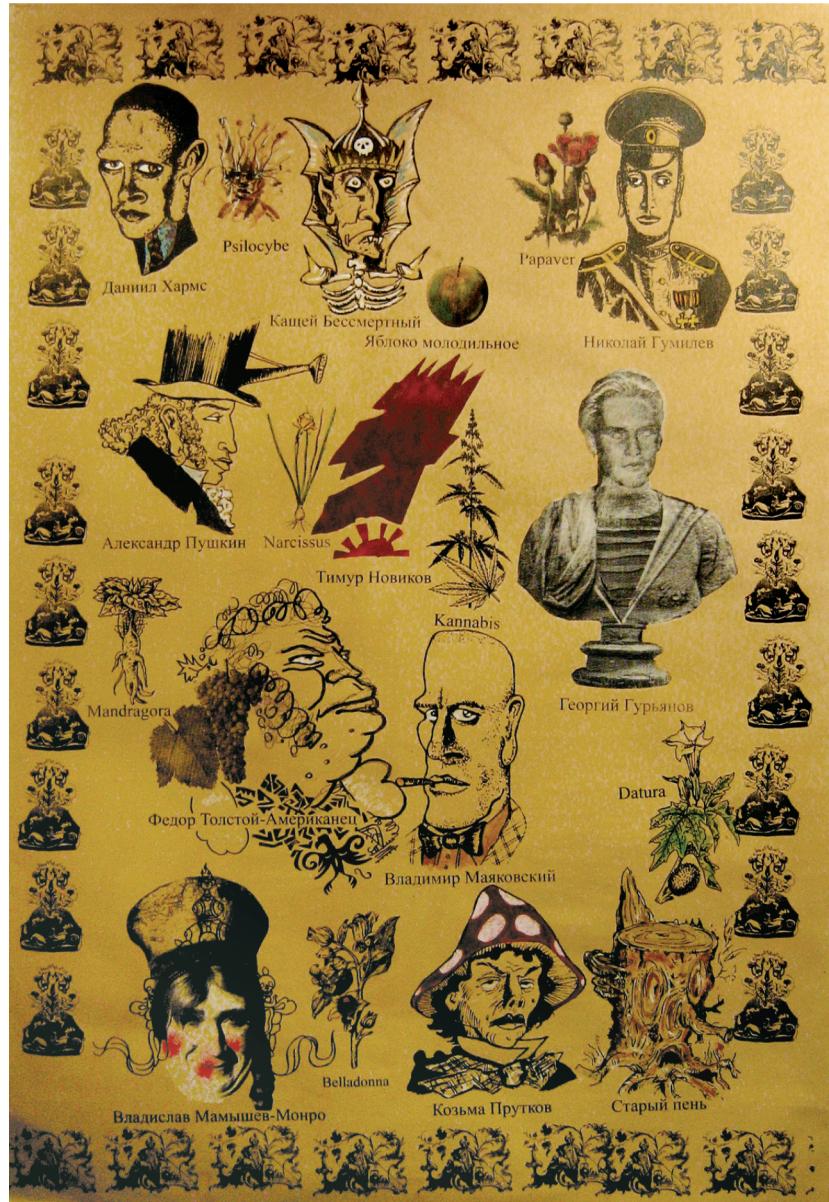
Владислав Мамышев-Монро
Куда смотрит милиция? Из цикла «Русские вопросы»
1997. цвет. фотография. 15 x 9
Архив Владислава Мамышева-Монро

Георгий Гурьянов в роли Маяковского
в фильме Ольги Тобрелутс
«Любовная история Мерлин Монро и Владимира Маяковского»
1998

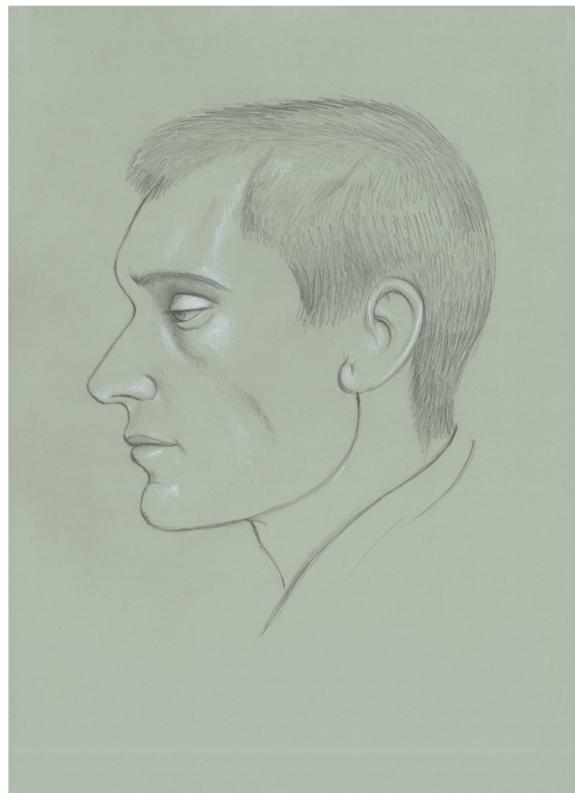
Сергей Шутов. Георгий
Из серии «Ковер-гортензия»
2004. х., смешанная техника. 30 x 30
Собственность автора

Андрей Хлобистин
Петербургский дзен-дендизм
2007. х., смешанная техника. 140 x 100
Собственность автора

Вадим Овчинников. Георгий Гурьянов
1980-е. бумага, уголь. 41,5 x 29,5
Собрание семьи Андрея Медведева

Денис Егельский. Георгий Гурьянов
2013. картон, карандаш. 75 x 55
Собственность автора

Андрей Медведев. Без названия
2000-е. ч.-б. фотография
Собрание семьи Андрея Медведева

Марина Федорова. «Новые туфли»
2006. Бумага, тушь, 100 x 40
Собрание Арт Клуба Д137

Сергеев Сергей. «Герой и хаос»
2006. Компьютерная графика, 50 x 60
Собрание Арт Клуба Д137

Наталья Жерновская. Без названия

2012. ч.-б. фотография

Собственность автора